

Статья посвящена исследованию конституционно-правовых основ экономической политики Германии и США в 1933 – 1939 гг. Установлено, что в обоих государствах – и в тоталитарной Германии, и в демократических США – проводилось жесткое регулирование финансово-промышленной сферы путем внедрения картельных соглашений. В работе предпринята попытка раскрыть особенности, позволяющие разграничить адекватные меры государственного регулирования в эпоху экономического кризиса от таких антикризисных мер, которые подавляют общепризнанные права и свободы, отрицают конституционные ценности.

Ключевые слова: плановая экономика; рыночная экономика; экономическая конституция; хозяйственное объединение; картель; государственное регулирование.

Алексей Николаевич Марченко, канд. юрид. наук, доцент,
кафедра «Гражданское право и процесс»,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»;
alexey_ctk@mail.ru

**КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ГРАНИЦЫ
ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО
ХОЗЯЙСТВА В ЭПОХУ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА
(на примере Германии и США в период
мирового экономического кризиса 1929 – 1939 годов)**

В настоящее время все большее внимание привлекают вопросы, связанные с конституционно-правовым регулированием экономики. Так, на Западе уже давно зародилась и развивается новая область научного знания – конституционная экономика (Constitutional Economics, термин предложен Р. Маккензи в 1982 году). Между тем, в нашей стране Г. А. Андреевой и ее учениками разрабатывается концепция «экономической конституции» [2]. Известно, что во время экономических кризисов, зачастую носящих глобальный характер, возрастает роль государственной политики в сфере национального хозяйства. Следовательно, необходимо изучить и раскрыть особенности конституционно-правового регулирования в эпохи экономических кризисов, провести аналитическое исследование указанной проблемы на реальных исторических и современных примерах. Именно этим вопросам посвящена статья И. А. Алебастровой «Возрастание роли конституционно-правового регулирования в эпохи экономических кризисов: закономерность или парадокс?» [1]. В статье анализируются причины и проявления активизации роли конституционно-правовых механизмов управления обществом во время экономического кризиса. По мнению исследователя, данная тенденция затрагивает, прежде всего, демократические государства.

И. А. Алебастрова исследует не только современные, но и исторические аспекты данной тенденции. Ученый приходит к выводу о том, что

«возрастание роли конституционно-правового регулирования в кризисные периоды имеет комплексный характер: задействованным оказывается множество конституционно-правовых институтов» [1]. Особое значение в период кризиса имеет правильное соотношение государственного регулирования и свободного рыночного регулирования. И. А. Алебастрова приходит к выводу, что в экономической теории и практике по вопросу о таком соотношении отсутствует единство. Между крайними точками зрения: о минимальном вмешательстве государства в экономику (неолиберализм австрийской экономической школы, основанный на принципе «Laissez faire et laissez passe»), с одной стороны, и о необходимости активизации регулирующего воздействия государства в такие периоды (например, кейнсианство), с другой стороны, – существует масса промежуточных позиций. Однако остается неоспоримым следующее: в кризисных обстоятельствах имеется потребность задействовать все факторы, работающие на смягчение его проявлений и его преодоление, актуализируется задача обеспечения экономической безопасности, поэтому конституционное регулирование как мощный правовой механизм воздействия на экономику оказывается незаменимым.

Исходя из вышеизложенного, представляется актуальным сравнительно-правовое исследование конституционно-правового регулирования экономики в эпоху Великой депрессии – мирового экономического кризиса, начавшегося в 1929 году и продолжавшегося до 1939 года. Мы намерены рассмотреть с применением сравнительно-правового метода конституционное регулирование национального хозяйства, направленное на преодоление экономического кризиса, на примере двух крупных государств – нацистской Германии и Соединенных Штатов Америки.

Мы считаем очевидным тот факт, что государственное регулирование промышленно-финансовой сферы, которое проводилось в Германии гитлеровским правительством, привело (наряду с другими причинами) к формированию тоталитарной диктатуры, ослаблению (в некоторых отраслях промышленности – упразднению) конкуренции, сужению сферы предпринимательской свободы. Такие успехи Германии в период 1933 – 1939 годов, как экономический рост и практически полная занятость населения были достигнуты ценой установления тоталитаризма, отрицания прав человека, перерождения экономики на военные нужды и, в итоге, ценой участия Германии в погубившей ее войне. Не вызывает сомнений, что в нацистской Германии вмешательство государства проводилось в форме принудительного картелирования, что дало правительству **неограниченную власть в хозяйственной сфере**, что было использовано для упрочнения позиций режима и подготовки страны к войне.

Напротив, усиление правительственного вмешательства в экономику и политика ограничений Нового курса Ф. Рузвельта существенно не отразились на состоянии демократии и конституционного строя. Поэтому главной задачей нашего исследования является раскрытие факторов, особенностей, аспектов, которые позволяют **разграничить** адекватные меры государственного регулирования в эпоху экономического кризиса от таких антикризисных мер, которые подавляют общепризнанные права и свободы, отрицают конституционные ценности.

Советский исследователь Ф. Манфрид [5] в качестве основных нормативно правовых актов, регулирующих экономическую жизнь германского государства при нацистском правительстве, называет «Закон о подготовке органического преобразования германского хозяйства» (Gesetz zur Vorbereitung des organischen Aufbaus der deutschen Wirtschaft) от 27 февраля 1934 года и «Закон об учреждении принудительных картелей» (Gesetz über die Einrichtung von Zwangskartellen) от 15 июля 1934 года.

Одним из ключевых понятий данного закона является понятие *Wirtschaftsverbände* – хозяйственного (экономического, промышленного) объединения. Под хозяйственным объединением (союзом) «Закон о подготовке органического преобразования германского хозяйства», несомненно, понимает общественную организацию, представляющую интересы деловых кругов.

В демократическом обществе членство физического (например, индивидуального предпринимателя) либо юридического лица (фирмы) в промышленном объединении является сугубо добровольным, так как в соответствии с принципами свободного предпринимательства и личных прав никто не может быть принужден к членству в какой-либо организации. Так, до принятия комментируемого «Закона о подготовке органического преобразования...» «все хозяйственные объединения Веймарской республики являлись объединениями частноправового порядка, создавались на основе свободного членства, «правомочия экономических объединений согласно их юридической природе имели ограниченный радиус действия и покоились на формально свободных частных соглашениях» [5] – «отдельный предприниматель мог отказаться от вступления в хозяйственный союз, мог выйти из него; в одной и той же отрасли хозяйства могли существовать различные объединения, преследующие одни и те же цели; в их деятельности мог проявиться «параллелизм», или наоборот, эти организации могли скрещиваться друг с другом» [5].

Однако, вследствие принятия «Закона о подготовке органического преобразования германского хозяйства» рейхсминистр экономики получил возможность в административном порядке распускать, создавать и объединять промышленные ассоциации, признавая избранные из них «единственными представителями данной отрасли хозяйства», то есть единственными бизнес-ассоциациями, которые защищают права хозяйствующих субъектов в конкретной промышленной отрасли. Прежде независимые экономические ассоциации теперь подчинены рейхсминистру экономики, который может по своему усмотрению изменять и дополнять важнейшие учредительные документы экономических союзов – уставы и учредительные договоры, тем самым определяя организационную структуру и порядок функционирования данной промышленной ассоциации. Рейхсминистр экономики по согласованию с министром внутренних дел согласно параграфу 2 «Закона о подготовке...» наделялся правом издавать нормативные акты, восполняющие (нем. *Vorschriften ergänzenden Inhalts* – инструкции дополнительного содержания) вышеуказанный закон, что явилось фундаментом для ведомственного нормотворчества.

В свою очередь, «Закон об учреждении принудительных картелей» от 15 июля 1934 года предусматривал возможность более жесткого контроля

за деятельностью субъектов хозяйствования со стороны гитлеровского правительства. Данная норма закрепляла полномочия имперского министра экономики, позволяющие ему объединять предприятия не только в промышленные союзы, но и в монополистические объединения в форме картелей, синдикатов и иных монополистических соглашений. Известно, что любой вид монополистического объединения или соглашения делает невозможным или же крайне затруднительным функционирование рыночных механизмов и ограничивает собственника средств производства в праве самостоятельно распоряжаться собственной продукцией. Согласно «Закону о картелях», рейхсминистр хозяйства вправе создавать такие объединения путем соединения предприятий, ранее не состоявших в монополистическом объединении, а также присоединять такие предприятия к уже существующим монополистическим объединениям.

Параграф 2 «Закона о картелях» наделяет министра хозяйства правом издания нормативных актов, необходимых для практического претворения в жизнь вышеуказанных норм о принудительном создании картелей. Министр экономики, следовательно, вправе при создании монополистического объединения установить права и обязанности членов объединения, **предмет** монополистического соглашения и другие правоотношения относительно объединения, а в случае присоединения предприятия к уже существующему объединению допустить отступление от обязательств по монополистическому соглашению.

Итак, «Закон о картелях» наделял имперского министра хозяйства следующими правами: создавать монополистические объединения (картели, синдикаты и так далее) путем объединения предприятий, и присоединять предприятия к уже существующим монополистическим объединениям (параграф 1); устанавливать предмет и условия монополистического соглашения, права и обязанности членов монополистического объединения, запрещать изменения уставов предприятий и монополистических объединений (параграф 2); министр наделен надзорными и распорядительными функциями в отношении монополистических объединений, причем данные права он может передать своим доверенным лицам (параграф 3); министр вправе воспрещать в пределах какой-либо отрасли открытие новых предприятий, расширение деятельности, увеличение мощности существующих предприятий; министр либо его уполномоченные вправе ограничивать объем использования существующих предприятий (параграф 5); министр экономики вправе издавать дополнительные постановления и инструкции, регулирующие отношения, закрепленные «Законом о картелях».

С момента принятия имперским правительством изучаемых «Законов...» открываются широкие возможности для государственного вмешательства в хозяйственную деятельность экономических субъектов в двоякой форме: во-первых, в форме принудительного объединения предприятий и предпринимателей в промышленные ассоциации и картели и, во-вторых, в форме непосредственного регулирования организации и деятельности как промышленных объединений, так и принудительных картелей: установления правил, уставов и условий деятельности всех принуди-

тельных объединений; административного вмешательства в данную деятельность, регулирования условий картельных соглашений, на которых основаны указанные монополистические объединения; ограничения производства или запрета на расширение производства.

Однако форсированная подготовка страны к войне потребовала большей централизации управления национальной экономикой. Поэтому 18 октября 1936 года Адольфом Гитлером был утвержден «Четырехлетний план» (*нем.* Vierjahresplan), который имел две связанные между собой цели: 1) через четыре года иметь боеспособную армию и 2) за тот же срок подготовить экономику Германии к войне. Для осуществления данной программы нацисты создали «Генеральный совет по Четырехлетнему плану» (*нем.* Generalrat der Vierjahresplan) во главе с Уполномоченным по Четырехлетнему плану (*нем.* Bevollmächtigter für den Vierjahresplan) – Германом Герингом, который настаивал на том, что государство должно взять на себя функции частного предпринимательства [4]. Вступление в силу «Четырехлетнего плана» означало высокую концентрацию капиталов и резкое усиление государственного контроля в сфере экономики.

Соответственно трем вышеуказанным этапам правового оформления нацистской «экономической конституции», возможно **условное** выделение двух периодов в экономико-правовой истории Третьего рейха. Первый период озаглавлен принятием «Законов...» и созданием системы экономических союзов согласно «Закону о построении». В означенный период создавалась структура для будущего централизованного бюрократического управления всем национальным хозяйством и подготовки страны к войне: проводилась «унификация», создавались органы и системы централизованного контроля над всеми предприятиями национального хозяйства. Тем не менее в экономике находилось место определенной частной инициативе и ограниченным экономическим свободам. Второй период «экономической истории» нацизма – хозяйственная «диктатура» Германа Геринга. Здесь были задействованы как организационные механизмы, созданные в предыдущий период, так и правовые механизмы, в частности, «Закон о картелях», что позволило руководить всей экономической жизнью немецкой нации из единого центра.

Выделенный нами «первый период» (1933 – 1936) становления хозяйственной формации гитлеровской Германии можно сравнить (с известными оговорками) с такими экономико-правовыми явлениями, как Новая экономическая политика в Советской России и «Новый курс» Франклина Рузвельта в США. Примечательно, что как нэп, так и нацистская экономическая конституция 1933 – 1936 годов сменились всеобъемлющим государственным вмешательством, сопровождаемым общим ужесточением террористической диктатуры. Это объясняется отсутствием необходимой «властной», «силовой» опоры рыночной экономической политики в СССР и фашистской Германии. Несмотря на то что экономический курс на построение хозяйственной формации с рыночными элементами и широким простором для частной инициативы имел сравнительно широкую социальную базу и в Советской России, и в гитлеровской Германии, сторонники рыночной экономики не имели никакой возможности отстаивать собственные интересы и институт свободного предпринимательства – соотно-

шение сил между заинтересованными в экономических свободах классами (на стороне которых находилось большинство предпринимателей, в том числе и те капиталисты, которые интегрировались в государственно-партийную систему тоталитаризма) и большинством нацистских лидеров не позволяло им идти против воли партии.

Иная ситуация сложилась в США во время «Нового курса» президента Рузвельта. Как известно, экономическая политика «Нового курса» проводилась, начиная с 1933 года, в целях выхода из масштабного экономического кризиса – «Великой депрессии», – охватившего США и другие страны в 30-е годы XX века, и включала в себя комплекс мер по государственному регулированию и оздоровлению экономики. Одним из важнейших направлений политики «Нового курса» стало восстановление промышленного потенциала страны. С этой целью правительством Ф. Рузвельта была создана Администрация восстановления промышленности, или Национальная администрация восстановления (*англ.* National Recovery Administration (NRA), символ «Синий орел» (NRA Blue Eagle)). Национальная администрация восстановления являлась одним из важнейших учреждений, созданных Рузвельтом в 1933 году. Задачи данной организации состояли

в том, чтобы устранить последствия неограниченной конкуренции и перепроизводства путем широкого государственного вмешательства в экономическую деятельность хозяйствующих субъектов.

Правовой основой деятельности Администрации восстановления промышленности стал «Закон о восстановлении национальной промышленности» (*англ.* The National Industrial Recovery Act) от 16 июня 1933 года. Так, Закон о восстановлении позволял предпринимателям или их объединениям устанавливать на добровольной основе «кодексы добросовестной конкуренции» (*англ.* codes of fair competition), утверждаемые Президентом. Указанные «кодексы конкуренции» были, по существу, ни чем иным, как картельными соглашениями. На основании «Закона о восстановлении» посредством «кодексов» предприниматели договаривались между собой об основах предпринимательской деятельности (о единых ценах, фиксированном объеме производства, заработной плате, рынках сбыта и так далее); так как правительство и Национальная администрация восстановления успешно сотрудничали с организованными в промышленные ассоциации представителями частного бизнеса, то подобная система картелей охватывала до 90 % предприятий в промышленности, было принято около 500 «кодексов честной конкуренции».

После утверждения президентом нормы, содержащиеся в «кодексах», становились обязательными для вступивших в данное картельное соглашение предприятий и бизнес-ассоциаций, а исполнение «кодексов» обеспечивалось силами государственного принуждения и соответствующими административными санкциями. В соответствии с «Законом о восстановлении» президент мог потребовать, чтобы бизнес-ассоциации включили определенные нормы в монополистическое соглашение в качестве условия для утверждения данного «кодекса». Кроме того, глава государства имел право провести слушания с участием представителей бизнеса и промышленных ассоциаций с целью разработки приемлемых с точки зрения пра-

вительства «кодексов конкуренции» и предложить собственный проект монополистического соглашения. Действие положений антимонопольных законов США, противоречащих комментируемому нормативному акту, приостанавливалось. Кроме того, Законом предусматривалась возможность регулирования цен на транспортировку нефти по трубопроводу и разрешалось вмешательство государства в деятельность хозяйствующих субъектов, если те будут изобличены в нарушении Закона о восстановлении промышленности¹.

Мы видим, что подписанный Рузвельтом «Закон о восстановлении промышленности» имеет много общего с «Законом о принудительном картелировании», принятым в нацистской Германии. *Во-первых*, оба правовых акта стали юридическим фундаментом для создания монополистических объединений, охватывающих подавляющую долю национальной промышленности. *Во-вторых*, заключаемые на основании рассматриваемых законов монополистические соглашения, в отличие от обычных картельных договоренностей, нарушение которых порождает лишь гражданские споры между частными лицами, напрямую охраняются государством путем административного правоприменения и являются нормами публичного права, иными словами, **обретают силу закона**. *В-третьих*, благодаря принятию изучаемых законов становится возможным централизованное планирование и управление национальным промышленным хозяйством. *В-четвертых*, сами хозяйствующие субъекты, организованные на основе анализируемых нормативных актов, могут рассматриваться как составная часть утвердившегося (Третий рейх) или зарождающегося (США в эпоху Нового курса) «корпоративного государства». Становится очевидным, что в 1933 году и правительство Гитлера, и администрация Рузвельта избрали путь **государственного регулирования** экономической жизни и создания системы «**корпоративного государства**» и **монополистической экономики**.

Между тем, рассмотренные выше правовые документы отражают различия в степени и характере насильственного вмешательства соответствующих государств в деятельность частного бизнеса. В то время как на-

¹ Английский текст пункта «а» части третьей раздела 1 «Закона о восстановлении национальной промышленности»: «SEC.3. (a) Upon the application to the President by one or more trade or industrial associations or groups the President may approve a code or codes of fair competition for the trade or industry or sub-division thereof, represented by the applicant or applicants, if the President finds (1) that such associations or groups impose no inequitable restrictions on admission to membership therein and are truly representative of such trades or industries or subdivisions thereof, and (2) that such code or codes are not designed to promote monopolies or to eliminate or oppress small enterprises and will not operate to discriminate against them, and will tend to effectuate the policy of this title: Provided, That such code or codes shall not permit monopolies or monopolistic practices : Provided further, That where such code or codes affect the services and welfare of persons engaged in other steps of the economic process, nothing in this section shall deprive such persons of the right to be heard prior to approval by the President of such code or codes. The President may, as a condition of his approval of any such code, impose such conditions (including requirements for the making of reports and the keeping of accounts) for the protection of consumers competitors, employees, and others, and in furtherance of the public interest, and may provide such exceptions to and exemptions from the provisions of such code, as the President in his discretion deems necessary to effectuate the policy herein declared».

ционал-социалистическое правительство «подключило» промышленность к административной системе государства, ввело строгую централизацию («принцип фюрера») и подчинение, в Соединенных Штатах бизнес-ассоциации и отдельные промышленные корпорации остались относительно самостоятельными частноправовыми субъектами. Кроме того, принятие «кодексов честной конкуренции», равно как и членство в промышленных либо торговых ассоциациях, требовало самостоятельного волеизъявления предпринимателей: правительственные организации США не обладали достаточными властными полномочиями, чтобы принудить капиталистов участвовать в монополистическом соглашении или «экономическом союзе»². Таким образом, правительство Рузвельта, в отличие от нацистской администрации, не имело возможности создать монополистические объединения и определить условия соответствующих картельных соглашений в одностороннем административном порядке. В США не могло быть и речи о запрете открытия новых производств и ограничении объема использования существующих предприятий, тогда как фашистский «Закон о картелировании» прямо предусматривал возможность подобных распоряжений.

Очевидно, что важнейшее различие между «экономическими конституциями», сложившимися в Соединенных Штатах и Германии в рассматриваемый период, объясняется тем, что хозяйственное законодательство указанных государств, несмотря на указанные выше схожие принципы, имеет совершенно различную **конституционно-правовую основу**. В то время как нацистское государство упразднило веймарский конституционализм, разделение властей и свободы личности, система «сдержек и противовесов», созданная в демократических Соединенных Штатах, продолжала эффективно функционировать.

Например, ряд решений Верховного суда США объявил многие нормативные акты, принятые в рамках проводимой правительством политики «Нового курса», не соответствующими американской конституции. Такими, например, решения Верховного суда Соединенных Штатов по следующим делам: «Нефтеперерабатывающая Компания Панамы против Райана» (*Panama Refining Co. v. Ryan*, 293 US 388 (1935)), «Акционерный Земельный Банк Луисвилля против Рэдфорда» (*Louisville Joint Stock Land Bank v. Radford*, 295 US 555 (1935)), «США против Батлера» (*United States v. Butler*, 297 US 1 (1936)), «Картер против Угольной Компании Картера» (*Carter v. Carter Coal Co.*, 298 US 238 (1936)) и т.д. Во всех перечисленных

² Американские историки утверждают, что глава Национальной администрации восстановления генерал Хью С. Джонсон решил отказаться от планов по принуждению предпринимателей к заключению картельных соглашений в принудительном порядке, в том числе путем всеобщего лицензирования всех промышленных предприятий (в случае отказа от вступления в монополистическое соглашения предполагалось не выдавать лицензию), так как справедливо опасался признания неконституционными соответствующих законодательных актов Верховным судом США. Вместо этого Джонсон решил воспользоваться мерами «общественного воздействия» на предпринимателей (бойкот товаров потребителями, рекламные компании, давление со стороны профсоюзов). При этом значительное число предпринимателей не захотели участвовать в монополистических соглашениях, не подписали их и жестко критиковали практику «кодексов честной конкуренции». Одним из таких капиталистов был Генри Форд.

судебных решениях Верховный суд отстаивал права предпринимателей на свободное и не регулируемое со стороны государства осуществление своей коммерческой деятельности в области промышленности, финансов, сельском хозяйстве, торговле и транспорте, указывая на закрепленные в американской конституции пределы полномочий Президента и Конгресса.

Однако главным правовым актом Верховного суда США, направленным против осуществляемого Рузвельтом государственного вмешательства в экономику, стало решение по делу «Птицеводческая корпорация Шехтера против Соединенных Штатов» от 27 мая 1935 года (*Schechter Poultry Corp. v. United States*, 295 US 495 (1935)), которым суд признал противоречащим конституции Раздел 1 «Закона о восстановлении национальной промышленности», и, соответственно, недопустимой практику утверждения президентом «кодексов честной конкуренции» и их особую охрану со стороны государства; тем самым Верховный суд устранил правовую основу как деятельности Национальной администрации восстановления, подлежащей упразднению, так и «кодексов честной конкуренции», которые теряли свою силу³.

Исходя из вышеизложенного, мы еще раз убеждаемся в том, что частная собственность, свободное предпринимательство и независимость личности во многом зависят от наличия в стране развитой системы конституционализма. Рассматривая экономико-правовую реальность нацистского государства, мы увидели, как политическая власть распространяется на экономическую сферу, следствием чего явилась необходимость интеграции финансово-промышленных лидеров в нацистскую партийно-государственную систему. Мы также определили, что рассматриваемое явление

³ Вынося решение по делу «Птицеводческая корпорация Шехтера против Соединенных Штатов», Верховный суд США аргументировал свою позицию следующим образом. Во-первых, рассматриваемые нормы (Раздел 1 «Закона о восстановлении») по мнению суда являются недействительными вследствие их неопределенности (или «пустыми на неопределенность», *англ.* *Void for vagueness*), так как понятие «добросовестной конкуренции» (*англ.* *fair competition*) не имеет легального определения. Доктрина *Void for vagueness*, принятая в американском конституционном праве, утверждает, что закон является недействительным и не имеющим законной силы, если он является слишком расплывчатым для среднего гражданина, чтобы понять. Во-вторых, Верховный суд обнаружил, что указанные нормы наделяют органы исполнительной власти неконституционными чрезмерными полномочиями и противоречат принятой в США доктрине разделения властей (запрет делегирования полномочий от одной ветви власти к другой ветви власти (*англ.* *Nondelegation doctrine*), например, делегирования законодательной власти Конгресса Президенту Соединенных Штатов). Так, практика утверждения Президентом «кодексов», нормы которых после этого обретали силу закона, согласно комментируемому судебному решению являются неконституционным делегированием законодательной власти Президенту. В-третьих, суд указал на превышение законодательными органами США своих полномочий, так как, в соответствии с «пунктом о регулировании торговли» Конституции США (статья 1 раздел 8 пункт 3) права Конгресса по законодательному регламентированию торговли ограничены. Позволив наделять картельные соглашения (в том числе и те соглашения, которые в значительной степени ограничивают торговые операции) силой закона, Конгресс вышел за пределы своих конституционных полномочий. Кроме того, по мнению Верховного суда США, в соответствии с «Законом о восстановлении» возможности Национальной администрации восстановления по регулированию торговли были выше, чем конституционные полномочия Конгресса, что недопустимо.

ние не случайно: Третий рейх являлся государством, основанном на терроре, насилии, внеэкономическом принуждении – иными словами, на «**телесной**», **личной зависимости** населения (в том числе предпринимателей) от партийно-государственных структур, пользовавшихся абсолютной властью. Это определяло и особенности социальной структуры: в тоталитарном обществе партийно-государственная система действительно является «**стержнем** всей социальной, в том числе и экономической организации».

На примере США эпохи Нового курса мы получили возможность рассмотреть и сравнить «экономическую конституцию» и влияние на нее «основной» конституции, закрепляющей политическую составляющую общественной жизни, соотношение социальных сил, их компромисс, пределы полномочий властей либо отсутствие таковых пределов. Несомненно, что именно эффективная организация американского конституционализма, важнейшей частью которой является независимая судебная система, не допустила кажущуюся неизбежной концентрацию власти в руках национального лидера. Как известно, конституционно-парламентский строй имеет ряд существенных недостатков, одним из которых является отсутствие «консенсуса» между ветвями власти. Между тем, в России определенная часть общества скептически относится к идее разделения властей: «Делить власть государства – значит, разрушать ее, так как разделенные власти взаимно уничтожают друг друга» (Т. Гоббс). Но гораздо большей угрозой представляется концентрация всех властных полномочий и возможностей в руках одного человека, хотя бы неординарного политика и национального лидера.

В связи с опасностью подобного положения Бенджамен Констан предупреждает об эгоистичной и противоречивой сущности человеческой природы, всегда стремящейся к богатству, успеху, власти и неограниченному могуществу: «Это не рука является несправедливой, а орудие слишком тяжело – некоторые ноши слишком тяжелы для человеческой руки» [3]. Это заставляет нас, без сомнения, еще раз задуматься о нецелесообразности единоличного правления и всеилия исполнительной власти. Необходимы действенные конституционные методы контроля и, главное, эффективного ограничения властных возможностей правительств и глав государств, важнейшим из которых является конституционное правосудие.

Список литературы

1. **Алебастрова И. А.** Возрастание роли конституционно-правового регулирования в эпохи экономических кризисов: закономерность или парадокс? // Lex Russica. 2013. № 1. С. 34 – 46
2. **Андреева Г. А.** Размышления об особенностях российской теории конституционного регулирования экономических отношений // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 9. С. 3 – 11.
3. **Берлин И.** Две концепции свободы // Современный либерализм. М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. С. 19 – 43.
4. **Гаранин Л. Н.** Второй человек в рейхе // Вопросы истории. 1992. № 2.

С. 60 – 68.

5. **Манфрид Ф.** Фашизм и германское гражданское право // Под ред. Л. Г. Фалевич. М.: Советское законодательство, 1935. 80 с.

References

1. **Alebastrova I.A.** *Vozrastanie Roli Konstitutsionno-Pravovogo Regulirovaniya V Epokhi Ekonomicheskikh Krizisov: Zakonomernost' Ili Paradoks?* [Increasing role of constitutional legal regulation in times of economic crises: regularity or paradox?], Lex Russica, 2013, no. 1., pp. 34-46.

2. **Andreeva G.A.** [Reflections on the peculiarities of the Russian theory of constitutional regulation of economic relations], *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2015, no. 9, pp. 3-11.

3. **Berlin I.** [Two Concepts of Freedom], *Sovremennyi liberalizm* [Modern Liberalism], Moscow: Dom intellektual'noi knigi, Progress-Traditsiya, 1998, pp. 19-43.

4. **Garanin L.N.** [The second person in the Reich], *Voprosy istorii* [Questions of History], 1992, no. 2, pp. 60-68.

5. **Manfrid F., Falevich L.G.** [Ed.] *Fashizm i germanskoe grazhdanskoe pravo.* [Fascism and German Civil Law], Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo «Sovetskoe zakonodatel'stvo», 1935, 80 p.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL LIMITS OF STATE REGULATION OF THE NATIONAL ECONOMY IN THE ECONOMIC CRISIS (Case Study of Germany and the United States in the World Economic Crisis of 1929 – 1939)

A. N. Marchenko, *Candidate of Science (Law),
Associate Professor of Department of Civil Law and Process,
Tambov State Technical University;
alexey_ctk@mail.ru*

The article explores constitutional and legal foundations of the economic policy of Germany and the United States in 1933-1939. It was established that in both states - in totalitarian Germany and in the democratic US – there was strict regulation of the financial and industrial sphere through the introduction of cartel agreements. In the paper, an attempt is made to distinguish adequate measures of state regulation during the economic crisis from such anti-crisis measures that suppress universally recognized rights and freedoms, deny constitutional values.

Keywords: planned economy; market economy; economic constitution; economic association; cartel; state regulation.

© А. Н. Марченко, 2017

Статья поступила в редакцию 21.10.2017